

IV. ГОСПОДСТВО

Используя термин «господство», а не термин «власть», мы сознательно отказываемся от анализа политической науки в плане соотношения сил, якобы отражающего существо политики. Политика отнюдь не является миром консенсуса, участия, общности. Но если мы понимаем ее как один из аспектов, через который то или иное человеческое существо объединяется с другими людьми (считая, что они схожи друг с другом), находясь в институционально структурированной среде, то нам следует анализировать ее скорее как производство, созидание, формирование процедур, механизмов, тактик и стратегий.

Короче говоря, вместо того чтобы искать истину политики в силе, попытаемся найти силу политики в ее способности обманывать, сеять иллюзии, создавать видимость того, что обеспечивает человеку условия для его выживания и что должно сознаваться не как отход от истины, а как упорство в борьбе за существование. Этот подход ни в коей мере не означает, что мы должны, например, ссылаться на Ницше, поскольку он не обязывает нас считать, что всякая мысль является лишь производной от этого упорства без возможного достижения истины. Но нужно было бы скорее рассматривать этот вопрос (вместе с Парсоном или Лаканом) с точки зрения Фрейда, о чем мы говорили в конце предыдущей главы, и логики желания, которая прочно опутывает субъекта своей сетью и в то же время открывает ему возможность стать субъектом своих высказываний.

Далее мы рассмотрим ряд парадигм власти и затем вновь займемся определениями, но уже более пространными, политической власти в терминах силы.

ВЛАСТЬ, АВТОРИТЕТ, ЛЕГИТИМНОСТЬ

Власть, если мы хотим дать определение не слова, а явления, представляет собой относительно устойчивое, основанное на неравенстве отношение между людьми, когда командует тот, кто занимает высокое положение. Данная формулировка, сознательно сконструированная без использования термина «сила», обыгрывает многозначность слова «командует». В этом определении изначально устранено понятие «сила» с тем, чтобы включить в дефиницию самые разнообразные формы власти, в том числе, и даже прежде всего, те ее формы, которые не подразумевают физического принуждения: врач, предписывая пациенту определенное лечение, или преподаватель, требуя от ученика исполнения определенной работы, добиваются искомого результата не потому, что они обладают силой. Нельзя считать, что подчинение угрозе (в соответствии с дилеммами: «жизнь или кошелек», «смерть или подчинение воле господина») является принципом или источником политической власти. Скорее всего, оно показывает ее внешние пределы. Нельзя признать здесь в качестве априорного утверждение,

согласно которому физическое принуждение представляет собой тип отношения, позволяющего осмыслить политику, даже если принуждение сочетается с убеждением. Попытаемся найти определение политической власти в ее специфичности или хотя бы обозначить трудности такого определения.

ВЛАСТЬ И МОГУЩЕСТВО

Могущество представляет собой способность какого-либо субъекта (индивида, института) добиваться определенного результата. Этот результат чаще всего пропорционален прилагаемой силе, количеству затраченной энергии. Могущество возрастает до тех пор, пока не встречает на своем пути другого могущества, которое его останавливает или ему противостоит. Могущество — это явление иного типа, отличное от отношений власти или авторитета, отличное именно тем, что оно не является отношением: власть, в смысле «господство», предполагает наличие стабильности, постоянства, институционализации. Власть представляет собой связь между двумя элементами, обладающими различным могуществом, и можно сказать вслед за Гоббсом: «Power simply is no more, but the excess of the power of one above of another» («Власть — это не что иное, как превосходство могущества одного человека над могуществом другого»). («Elements of Law, I, 8, 4»). Различие (концептуальное) между властью и могуществом не может, следовательно, быть неизменным, причем международные отношения, в основе которых лежат конфликты и войны, в «естественном состоянии» относятся скорее к могуществу держав и к отношениям между ними, в то время как внутригосударственные политические отношения представляют собой скорее отношения власти.

Критический анализ власти, данный Спинозой, его отрицание политики как подчинения авторитету, иному, чем авторитет разума, позволяют понять сущность механизмов господства, тесно переплетающихся с механизмами суеверия. Он выступает против антропоморфических учений, которые воспринимают Бога как короля, одержимого теми же страстями, что и люди, и действующего через заповеди. Но Бог является воплощением могущества, и могущества безграничного, которое действует исключительно в силу внутренней необходимости своей природы. Таков принцип свободы: она заключается не в свободе воли, а в отсутствии принуждения, в раскрытии внутренней необходимости. Тот, кто зависит от другого лица, кто ему подвластен, не является свободным. Манипулирование зависимостью, которая держит людей под контролем политической власти, препятствуя развитию их способностей, доведено до крайности в тираниях, насаждающих страх. А страх порождает суеверие, которое капризно и подобно буйному помешательству. Ведь в монархиях (Спиноза был современником Людовика XIV) людей заставляют почитать своих царей как богов: эти механизмы были доведены до крайности у турок, у которых обычная дискуссия считалась святотатством, а для разума вообще не было места.

«Высшая тайна монархического правления и величайший его интерес заключаются в том, чтобы держать людей в обмане, а страх, которым они должны быть

сдерживаемы, прикрывать громким именем религии, дабы люди за свое поражение сражались, как за свое благополучие, и считали не постыдным, но в высшей степени почетным не щадить живота и крови ради тщеславия одного какого-нибудь человека» (Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935. С. 6).

Разоблачая всякую власть как мистификацию (но ведь иллюзии живучи), Спиноза, будучи поклонником Макиавелли, подчеркивает, что она основывается не на применении силы, а на технике воздействия на страсти. Поэтому следует правильно понимать прославление Спинозой могущества и его критику власти: могущество (potentia) не есть применение силы, а результат настойчивого стремления (conatus) к нему в определенных условиях бытия. Таким образом, могущество человека растет благодаря использованию разума или взаимодействию человека с другими людьми. Именно поэтому можно сказать, что человек является «политическим животным» и что политический авторитет играет положительную роль, когда политическая власть содействует совершенствованию каждого человека, что возможно, например, в условиях демократического и тоталитарного строя.

АВТОРИТЕТ

Суеверный страх, которым манипулирует власть, обеспечивает, по словам Спинозы, подчинение людей ценой их свободы. Вера в обоснованность полученных приказов находится в центре анализа власти у Вебера, который проявлял также большой интерес к механизмам «еврейского профетизма».

Согласно Веберу, власть — это такое отношение, которое в каждом из двух его членов предполагает наличие согласия, присоединения, участия в нем. Его анализ господства относится не только к политическим институтам (партиям, профсоюзам), но и к таким «объединениям», как церковь или предприятие. Этот анализ позволяет понять Веберову характеристику государства, в которой он определяет его через присущее ему специфическое средство: «Государство является институтом, который владеет на данной конкретной территории монополией на легитимное насилие». Это определение не означает, что государство — это царство насилия; оно означает признание государства как единственного авторитета, для которого использование насилия является легитимным.

«Под господством мы понимаем возможность для специфических (или любых иных) сообществ добиться повиновения со стороны определенной группы лиц. Однако речь здесь не идет о любой возможности использовать «могущество» и «влияние» над другими индивидуумами, и в этом смысле господство («авторитет») может основываться в каждом конкретном случае на самых разнообразных мотивах покорности: от апатичной привычки повиноваться до чисто рациональных соображений. Всякое истинное отношение господства включает в себя внешнюю или внутреннюю заинтересованность в том, чтобы подчиниться» (Economie et société, chap. III, I, § 1).

Понятие «власть» (*Macht*), считает Вебер, — это социологически «аморфное» понятие, т. е. нечеткое и недифференцированное; оно означает способность какого-либо индивида добиться торжества своей воли, что может происходить при многих обстоятельствах; понятие господства подразумевает издание приказов без расчета на то, что они адресуются массе, не обладающей способностью критически мыслить. О политическом господстве можно говорить тогда, когда внутренние правила какой-либо группы действуют на определенном географическом пространстве, в пределах которого применяется насилие (*Gewalt*). Это насилие не является ни единственным, ни нормальным средством политики, оно является ее специфическим средством, и, когда все другие средства терпят неудачу, насилие становится *ultima ratio* (последним средством) политики. Таким образом, политику характеризует не наличие господства, а то, что она основана на насилии (это отличает ее от иерократии, см. с. 290).

Авторитет и легитимность

Вебер использует термин латинского происхождения «авторитет» (*Autorité*) как синоним слова «господство» (*Herrschaft*). Семантическое поле понятия «авторитет» сложно: труды ученого «авторитетны», военная диктатура является «авторитарным» режимом, который, кстати, следует отличать от тоталитарного режима (см. гл. X, с. 311). Данный термин отсылает нас к загадочным явлениям: подчинение авторитету, являющееся, по мнению Спинозы, суеверием, не восходит ли, как утверждает Фрейд, к «изначальной беспомощности грудного младенца», что порождает фантазм отцовского всемогущества, как прототип отношения власти (см. гл. II, с. 33)? Этимология подчеркивает магическо-религиозное измерение данного понятия. В 23 г. до н. э. сенат впервые присваивает Октавиану титул Августа (*Augustus*). Он обладает отныне *auctoritas* (авторитетом), основанным на его властных полномочиях и на доверии к нему со стороны народа и сената: он пользуется действенным престижем, который нужно отличать от *potestas* (законной власти). Согласно Жоржу Дюмезилю, *augustus* в Риме — это тот, кто обладает «полнотой священной силы», позволяющей ему исполнять обрядовые функции. *Auctor*, *Augustus* и *auctoritas*, как и *augur*, т. е. авгур (пророк), несут религиозный смысл и происходят от *augeo*, что означает «приумножать, увеличивать». В индоиранских языках корень *aug* значит сила, на санскрите *ojas* означает сила богов. Как соотносить смысл *augeo* (увеличивать) со смыслом слова *auctor*? Актер как агент? Эмиль Бенвенист указывает, что смысл латинского слова *augeo* не совпадает по своему значению с глаголом «увеличивать», поскольку увеличивать — это значит развивать и повышать нечто такое, что уже существует. *Augeo* означает производить нечто вне своего собственного «я», добиваться появления чего-то вне своей питательной среды, что является привилегией богов или природы. *Auctor* во всех областях — это тот, кто «двигает», кто берет на себя инициативу, кто первым осуществляет какую-либо акцию, тот, кто основывает, гарантирует и в итоге выступает в качестве «автора». Тот, кто обладает авторитетом, характеризуется не столько силой в энергетическом смысле этого слова, сколько способностью создавать что-либо. «Первоначальное значение *augeo*

проявляется посредством *auctor* в *auctoritas*. Всякое слово, произнесенное властью, предопределяет некоторое изменение в мире, создает нечто. Это подспудное качество и выражает *augeo*, выражает силу, которая заставляет растения произрастать и дает жизнь закону»¹. Таким образом, механизм господства, происходящая из августейшего характера авторитета, может иметь в качестве основания власть видимости.

Государство и символы власти

На одной древнеримской монете изображен император в образе Фаэтона, который управляет колесницей солнца с надписью «*Oriens*». Эта золотая монета, выпущенная при императоре Аврелиане, известна как *Oriens Augusti*. Антропоморфическое отождествление императора и солнца имеет целью утвердить авторитет суверена. Эта метафора монаршей власти использовалась неоднократно. Так, Ричард II в пьесе Шекспира сравнивает себя с солнцем, чьи лучи срывают с преступлений покров ночи. Но эта сверхъестественность короля, создающая его мирскому телу двойника в форме его политического тела, является следствием процедур, ритуалов, институционализации. Следовательно, она является непрочной. Августейший и легитимный король может лишиться своих атрибутов, будучи сведенным к своему телу, земному и смертному. Победенный Ричард II будет лишен атрибутов, знаков своего авторитета. Он, который называл себя «легитимным» королем (*lawful king*), должен будет уничтожить себя как короля и уступить место коварному Болингброку. Политическая власть, такая, по крайней мере, теория которой, согласно Эрнсту Канторовичу², была создана во времена елизаветинского Возрождения, утрачивалась или приобреталась не в бою, а в результате символической делегитимации. Король перестает быть королем, когда знаковые символы его государства/королевского статуса им утрачены и переданы другому. «Священный статус» короля представляет собой ряд знаковых символов — помазание, скипетр, — по которым хорошо видно, что они не функционируют как институциональные символы власти: эта власть не существует в качестве силы, которая получает символический елей, а символы власти создают специфический порядок, являющийся политическим телом короля. Становится понятным, почему «видимость», используя здесь интерпретацию Лакана, как одно из измерений господства, ставит Ричарда II на грань умопомешательства. Полусумасшествие бывшего и свергнутого короля, превратившегося из утопающего в роскоши монарха в жалкого крестьянина, показано в сцене, где он обращается к своему отражению в зеркале после того, как сам снял со своего физического тела знаки отчуждения в тело короля. «Помпезное тело короля», лишенное своей «славы», превращает «суверенитет в рабство». Помпезность — это священный статус короля. (Слово *state* означает в английском языке одновременно и государство, и статус, и помпезность.) После того как

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995. Т. II. С. 330.

² Kantorowicz E. Les deux corps du roi. 1957.

помпезность исчезла, что остается от прежнего ее носителя? Тот, кто был Ричардом II, смотрит на себя в зеркало, которое ему протянул тот, кто занял его место:

Ужель лицо вот это было тем,
Что тысячи народа собирало
Под кровлею моею каждый день,
Что зрителей слепило, точно солнце,
Что видело так много сумасбродств?¹

Ричард II не может поверить, что, лишившись институциональных символов власти, он уже не является «истинным королем» (true king) и что отныне уже не король и не сражения делают королевскую власть государя легитимной (right full king), а коронование, которое к тому же превращает нелегитимного короля (unrightfull king) в истинного короля. И когда уже не он, Ричард, подобен солнцу, а Болингброк, будущий Генрих IV. Ричард тает, словно снег, под лучами этого нового солнечного монарха, и возникает опасность, что он лишится права быть самим собой, поскольку утрата титула влечет за собой потерю королевского имени:

Нет у меня ни званья, ни титула,
Ни имени, что было при крещении
Дано мне, — всё похищено. Увы,
Тяжелый день: проживши столько зим,
Не знать, каким мне именем назваться!²

Но утверждать, что авторитет короля основан на символах, нисколько не означает, что он будет непрочным или несостоятельным. Авторитет, господство обеспечивают эффективность, являющуюся залогом успеха исходящих от него приказов.

ВИДЫ ГОСПОДСТВА ПО ВЕБЕРУ

Государство, отличительной чертой которого является легитимное насилие, существует лишь постольку, поскольку те, над кем господствуют, подчиняются авторитету, на который претендуют те, кто господствует. Исходя из этого, Вебер различает три основания легитимности: она может быть традиционной, харизматической, бюрократической³. Эти три формы авторитета, как утверждает Толкотт Парсонс, могут рассматриваться как отражение различных процессов ин-

¹ Шекспир В. Полн. собр. соч. СПб., 1887.

² Там же.

³ Речь идет о трех «идеальных типах». Идеальный тип является ключевым вкладом Вебера в эпистемологию общественных наук: можно кратко определить его как понятие, производное от различия и абстракции.

ституционализации. Традиционный авторитет выступает в качестве нормы в том обществе, где не существует отдельных административных структур для выполнения функций, не являющихся политическими. Легальное господство возникает в результате появления социальной дифференциации, когда политический авторитет предоставляется специализированным институтам, которые, как правило, обозначаются термином «бюрократия». И наконец, третья форма господства, господство харизматическое, зарождается в результате отрицания традиционной легитимности вождя, который желает, чтобы его собственный авторитет был признан в качестве своего рода морального обязательства. Таким образом, различные формы авторитета не столько относятся к типам ценностей, на которых они основаны, сколько к организационным способам их возникновения и стабилизации.

Если считать, что приказы, отданные каким-либо авторитетом (при этом не имеет значения, является ли этот авторитет политическим или религиозным), легитимны, то нужно различать легитимность и легальность как можно с большей тщательностью потому, что Вебер использует оба понятия: легальность представляет собой соответствие закону (или правилам) в том виде, в каком он установлен правомочными органами, в то время как легитимность — это соответствие установленного порядка (или) института требованию, расцениваемому как высшее по своей значимости. Следовательно, легитимность может противопоставляться легальности, что является классической причиной конфликта между моралью и политикой (Антигона против Креона), и может также использоваться политической пропагандой. Генерал де Голль ставил перед собой задачу воплотить национальную легитимность в противовес вишистскому режиму, режиму де-факто с точки зрения легитимности, хотя и законному с точки зрения легальности. Таким образом, ссылка на легитимность опирается на более высокий по своему значению порядок: Сократ выпил цикуту, так как уважение Законов полиса обязывало его уважать легальность, пусть и несправедливую, и он не оставил последнего слова за свободной субъективностью. В то же время Платон утверждает в своем диалоге «Политик» высшую легитимность политика, обладающего истинным знанием по сравнению с режимами, основанными на письменных конституциях (см. гл. IX, с. 268).

Значимость объектов легитимации возрастала в периоды конфликтов, например во время протестантской Реформации, когда Лютер оправдывал существование политических авторитетов, монополизировавших насилие, или на исходе Великой Французской революции: легитимность Людовика XVIII провозглашается от имени божественного права и древности монархической традиции, но само принятие хартии показывает, что легитимность отныне основывается на легальности. Принцип законности, соответствие актов государства и администрации правовым нормам ставится в центр демократической легитимности и правового государства. В то время как Ханс Кельзен дает самое строгое теоретическое обоснование идентичности государства и права, слияние легитимности и легальности отвергается как крайне левыми марксистскими теоретиками (вместе с советским теоретиком права Пазуканисом), так и крайне правыми (вместе с Карлом Шмиттом).

ТРАДИЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО

Традиционное господство основано на обыденной вере в святость вековых традиций и вере в легитимность тех, кто призван осуществлять власть этими средствами. Типичной фигурой здесь выступает наследственный монарх, а типичным политическим строем — монархия. Монарху подчиняются как наследнику, который провозглашает верность традициям. Традиция может предписывать подчинение безличному авторитету. Однако следует спросить себя, действительно ли эффективна данная форма легитимности: разве в ряде случаев соблюдение традиции не должно рассматриваться как уважение институциональных связей, создающих обязательства, например родственных связей?

Вождь без принуждения

В некоторых случаях повиновение вождю в такой степени превращается в обычай, что становится разновидностью социальных отношений. Рассказывая об изготовлении пирога во время экспедиции Ла Кулы к племени тробриандов, Бронислав Малиновский утверждает, что работа выполнялась энергично, умело, без перебоев и социально организовано. Здесь применялся принцип разделения труда, но с одной-единственной целью: вождь или руководитель должен оставаться владельцем пирога и в то же время предоставить ее в пользование всему племени, которое ему подвластно. Этот вождь располагает формальным правом, авторитетом. Однако необходимы и «эксперты», которые должны руководить и координировать выполнение операций по изготовлению пирога. «Но четко установлено, что истинная сила, которая поддерживает сплоченность коллектива и добивается неукоснительного выполнения работы, — это соблюдение обычаев и традиций». Каждый работник знает, где его место и что он должен делать, потому что так было и так будет всегда, и эта традиция, закреплённая законами, правилами, обычаями, является основой единодушного согласия. Принципы тробриандийского общества далеки от того, чтобы стать принципами типа: «Сила превыше права». Здесь речь скорее идет о принципе «Традиция — это право, и право обладает силой». В этом смысле вождь не источник авторитета, а его вместилище или, более того, его движущая сила: «Авторитет вождя, его привилегии, обычное правило: «Ты мне — я тебе», которое соблюдается между ним и племенем, и все это, собственно говоря, является лишь механизмом, позволяющим силе традиции навязывать свою волю»¹. Эта сила, если она действительно заслуживает название силы в механическом смысле (силы, которая проявляется в результатах своих действий: она обеспечивает подчинение закону, сплоченность общества) не должна рассматриваться как трансформированная или воспроизведенная физическая сила. Дело в том, что у тех, кто располагает властью, нет средств для организованного физического принуждения, способных обеспечить выполнение их воли. (О традиционном вожде «без власти» см. гл. XI, с. 315 и 337.)

¹ Malinowski B. Les argonautes du Pacifique occidental. P. 218—219.

Традиционное господство по своему принципу ведет к забвению того, что оно представляет собой артефакт: традиция есть забвение нововведений, утаивание истоков, сокрытие отклонений. Так, Филипп Красивый добивался от папы Бонифация VIII канонизации своего предка Людовика IX (Людовика Святого). Институциональная сакрализация Людовика Святого отражалась на самом Филиппе и превращала его в короля «очень древнего и святого рода» (Эгидий Колонна), что увеличивало его способность противиться теократическим устремлениям папского престола. Освящение (приобщение к лику святых одного из предков) его династии дает основание в наследственном плане утвердить его монархию в качестве монархии Божьей милостью, т. е. быть помазанным на царствование уже более не папским престолом, а непосредственно Богом и, следовательно, иметь право основать светское государство: чем меньше король, вписываясь в священную традицию, зависит от Римской церкви в своей легитимности, тем в большей степени он может утверждать независимость своей власти.

На примере этой сакрализации короля мы можем проанализировать другую форму господства, когда некий исключительный дар лежит в основе власти.

ХАРИЗМАТИЧЕСКОЕ ГОСПОДСТВО

В основе харизматического господства, т. е. того случая, когда антропоморфизация власти выражена наиболее ярко, лежит чрезмерное преклонение перед героической или достойной подражания добродетелью какой-либо личности или перед приказами, исходящими от нее. Типичной в политическом плане фигурой является здесь диктатор, наделенный исключительными полномочиями (политический эквивалент пророка в религиозной области), а политическим режимом — плебисцитарная личная диктатура. Харизма происходит от греческого слова *charisma*, что значит «дар», «милость», и взята из терминологии античного христианства. Широкое распространение этого термина в настоящее время часто обусловлено двойной ошибкой в трактовке его социологического значения: харизматический вождь — это не личность, обладающая особыми качествами, он является харизматическим, так как те, кто ему повинуются, считают, что повинуются именно потому, что он имеет одну или целый ряд экстраординарных черт. Иисус Христос и Гитлер, Ганди и Сталин были харизматическими вождями. Напротив, Людовик XIV и Горбачев не принадлежат к этой категории. Харизматическому вождю повинуются не в силу его якобы выдающихся качеств: обладание им этими качествами представляет собой всего лишь веру в это, а единственное качество харизматического вождя заключается в том, что он (или его окружение) должен обладать достаточной компетентностью, чтобы убедить тех, чье повиновение ему необходимо, в том, что он обладает одним или несколькими чрезвычайными дарованиями. Харизматических вождей создают определенные политические конъюнктуры или структуры, а харизматическое господство, подчеркнем это, не является, следовательно, продуктом харизмы того, кто ею обладает. Признание вождя харизматической фигурой должно быть свободным

в том смысле, что его сторонники, последователи, апостолы попадают под чары героя не под воздействием угрозы или с целью добиться какого-либо вознаграждения, а именно потому, что испытывают на себе притяжение какой-то непреодолимой силы (те, кто примкнул к де Голлю в 1940 г. в Лондоне, поступили так не из карьеристских соображений, тем более что они должны были выступить против «законного» петеновского французского государства). Поэтому харизматический вождь имеет больше шансов быть признанным молодыми людьми, чем добропорядочными буржуа.

Группа, повинующаяся харизматическому вождю, образует, согласно Веберу, «эмоциональное сообщество»: множество фотографий и кинокадров воспроизводит обожание толпы, обращенное к Гитлеру. В отношениях со своими последователями и учениками харизматический вождь действует не на основе определенного правила или каких-то установлений, а методом императивных приказов; при этом он не связан никакими прецедентами (Наполеон I щедро раздавал титулы королей и принцев). По мнению Вебера, эмоциональный заряд харизмы разлагает те демократические режимы, где существует вождь (т. е. такие президентские режимы, как американский, и полупрезидентские, как российский). Демократия подвергается разложению, так как на роль вождя выдвигается, в связи с «эмоциональным характером становления вождизма, тот, в кого верят», тот, кто вызывает энтузиазм, обещая больше, чем другие, возбуждая страсти (что определяет демагогию как метод оболыщения через обещания, главный смысл которых в том, чтобы быть более щедрым в своих обещаниях, чем твой соперник). Будучи иррациональной и аффективной, харизма не способна проявить свою связь с конкретными экономическими целями, основанными на расчете, прогнозе, с материальными заботами: харизма будет изыскивать ресурсы в меценатстве или в выпрашивании, а не в использовании партийных взносов или поддельных финансовых документов.

Пример харизматического господства: де Голль

Харизма представляет собой форму господства, которая порывает с обычным порядком, условностями, и поэтому является «революционной силой», типичной для эпох, связанных с традицией. Харизматический вождь появляется во время кризиса, когда традиция прервана и возникает новый порядок. Так, Лютер выступал против папства, хотя лютеранская революция изначально стремилась изменить не сам мир, а отношения между индивидом и миром.

Вот один из примеров харизматической легитимности.

Де Голль стал незаурядным политическим деятелем. Еще до начала своей карьеры харизматического вождя он думал о методах руководства и полностью осознавал значение фактора, который он называл «очаровыванием» с точки зрения эффективности. Де Голль ни в коей мере не был наивным человеком, ставшим великим на волне истории, он владел методами, позволяющими использовать магию харизмы. В июне 1940 г., в начале его карьеры, мало кто из политических деятелей предвидел превращение войны в мировую и изменение соотношения сил не в пользу нацистской Германии. По мере того как осмысленное, а не ирра-

циональное пророчество де Голля сбывалось, утверждалась его слава дальновидного стратега. В столкновении с мощью нацистского завоевателя и с возведенным в систему слабоумием старика, использовавшего славу «победителя под Верденом» для установления сотрудничества с врагом, первоначальная посредственность де Голля, слабость его возможностей, его одиночество приводят к тому, что его голос звучит одиноко, его личность не имеет силы; но это одиночество неожиданно превращается в символ пророческого призвания. Победа пришла к тому, кто был ее провозвестником, и воссоздала его подвиг, придав ему облик провозвестника спасения. В 1958 г. де Голль добивается успеха именно потому, что доказал свою правоту в 1940 г.: разве спаситель 1940 г. не предназначен для того, чтобы снова выполнить эту функцию, которая является не его ролью, а его сущностью? Де Голль — это спаситель Франции, и это неоспоримая истина. К тому же он умеет использовать символы, когда, например, в апреле 1961 г. во время путча генералов в Алжире он появляется на экранах телевизоров одетый в генеральскую форму; «обличая отставных генералов», он выступает одновременно как президент Республики, глава государства, главнокомандующий вооруженными силами... и генерал де Голль — герой 18 июня. Это было сочетание легальной бюрократической легитимности (де Голль отдавал приказы как конституционный глава государства) и харизматической легитимности (устаи героя 18 июня говорила сама Франция). Но не обладал ли также де Голль известной долей традиционной легитимности в том смысле, что его иногда изображали, пусть даже в виде шутки, в образе Людовика XIV?

Харизматический вождь и великий человек: Ленин и Людовик XIV

Ленин представляет собой другой пример использования харизмы, что также позволит нам отличить харизматического лидера от «великого человека», так как не всякий «великий человек» является великим в институциональном плане.

Зародившись в огне гражданской войны, которая была обдуманно развязана (см. гл. X, с. 309), коммунистический режим обретает свою изначальную законность в террористическом и очистительном насилии. Затем, в период стабилизации режима, когда применяются также, хоть и довольно редко, средства убеждения, Ленин использует свой авторитет и свое положение в партии, чтобы утвердить свою власть. Обвиняемый еще задолго до государственного переворота в октябре 1917 г. в насаждении «культа личности» и диктатуры внутри партии, он неизменно отвергал подобный вид критики как проявление мелкобуржуазного отрицания «единства воли» (см. гл. VI, с. 179). Эта единая воля может быть волей лишь одного человека, и Ленин, ссылаясь на якобинцев и Робеспьера, защищает легитимность личной диктатуры. Более того, он согласен служить «идеальным я» режима (см. гл. VI, с. 184). Так, к его 50-летию «Правда» выпустила специальный номер с безграничными восхвалениями в его адрес. А Ленин не только открывает памятники основоположникам социализма, но и сам позирует скульптору, чтобы не быть, как он говорил, просто абстрактным именем для крестьян. Словом, он хочет стать иконой. Культ Ленина, однако, зародился не

как продукт народной религиозности, унаследованной от старого российского режима, а был организован с учетом некоторых сторон «русского национально-го сознания», чтобы укрепить большевистскую власть. Создание образа вождя как идеализированного объекта поклонения может обеспечить социальное единство, служить объединяющим началом, усиливая идентификационную основу режима. Подобное раньше уже существовало: римский император Август, об *auctoritas* которого мы писали выше, разбирая, что такое авторитет, повелел изваять по всей империи одинаковые статуи, изображающие его в образе бога.

Всем известно также значение «портрета короля» для французской монархии времен Людовика XIV. Однако Ленин и Людовик XIV занимают совершенно разные места в политической системе. Действительно, харизматический вождь должен опираться на харизматическую центральную группу (членов Центрального комитета большевистской партии в 1917 г.), деятельность которой он призван направлять (взятие, затем удержание власти до и после Октября). Король окружен центральной группой, своим двором, через посредство которого он царствует: он должен всеми силами стремиться сохранить равновесие внутри «социального поля» и, в частности, равновесие внутри руководящей центральной группы и использовать для этого соперничество и ревность (тогда как Ленин должен был постоянно защищаться от соперников: Мартова, Богданова, Троцкого). Умелое маневрирование харизматического вождя по отношению к центральной группе состоит в том, чтобы установить с ней такое единство, которое будет продолжением его деятельности. (Троцкий и многие другие большевики присоединились к Ленину в июле 1917 г.) Король может действовать внутри структурированного социального поля, очаги напряженности которого ему известны, в то время как харизматический вождь именно потому, что он появляется в период кризиса и действует вместе со своими сторонниками в незнакомой обстановке, должен добиться того, чтобы его приближенные поверили в него (после своего возвращения в Россию в апреле 1917 г. Ленин предлагает большевикам стратегию немедленного завоевания власти, что приводит их в замешательство; а когда в октябре он решает осуществить восстание, то некоторые из его давнишних соратников в какой-то момент выступают против него, и он называет их дезертирами). Иерархия внутри большевистского руководства, конечно, не является уставной или наследственной иерархией (до такой степени, что быть рабочим или сыном рабочего не имеет значения с точки зрения политической принадлежности и соблюдения дисциплины по отношению к вождю): социальное обособление членов центральной харизматической группы формирует нечто вроде «элиты» нового «общественного класса». (В 1921 г. Ленин решил передать все механизмы принятия решений очень ограниченной группе, состоящей из нескольких сотен «старых большевиков», т. е. членам партии, которые шли за ним, начиная с 1900—1905 гг.) В то время как абсолютный монарх, окруженный своим двором, руководит центральной группой, используя стремление придворных быть частью элиты и играя на их соперничестве, харизматический вождь осуществляет руководство, постоянно скрывая опасность вхождения в высшие эшелоны власти, куда он вовлекает своих сторонников, используя хаотический кризис всего социального поля (создание внутреннего соперничества при первых признаках стабилизации обстановки: Ленин, например, использовал вза-

имную неприязнь Троцкого и Бухарина). В период с февраля по октябрь 1917 г. Ленин искусно преодолевает групповщину в лагере радикальных марксистов и привлекает на свою сторону наиболее решительных партийцев. Не вступая в переговоры с соперничающими фракциями, он подчеркивает реальность достижения успеха, в то время как все общество катится в пропасть. Ему удается убедить членов партии, что принятое им решение, внешне иррациональное (несколько сотен тысяч большевиков возьмут власть в громадной империи, участвующей в мировой войне), вполне обоснованно, и успех октябрьского восстания подтверждает его предвидение. Сталин, в отличие от других членов руководства, будет утверждать, что всегда верил в ленинский дар предвидения и активно участвовал в его осуществлении, что обеспечит ему харизму по аналогии и сопричастности (он умел, когда надо, смолчать и никогда не навлекал на себя публичной критики Ленина, часто довольно оскорбительной).

Согласно Элиасу, величие и сила Людовика XIV основывались на том, что он был воплощением «спокойной и ровной посредственности». Его задача после Фронды состояла не в завоевании власти, а в ее сохранении и в укреплении существующих структур господства. Ему нужно было поддерживать напряжение между различными группами и добиваться их уравнивания: как во внутренних и внешних политических делах, так и в делах двора он нуждался, чтобы править, в самой полной информации. Знание человека в каждой конкретной ситуации и есть тот метод, который для Элиаса является характерной чертой и главным орудием придворной аристократии. Это знание должно быть тем более доскональным, что давление, возникающее на основе стремления к общей цели (и успеха в ее достижении), осуществляется лишь в случае войны. Сен-Симон рассказывает, что Людовик XIV нанял нескольких швейцарцев, которые в ливреях королевских лакеев прогуливались по дворцу, подслушивая беседы придворных, и затем докладывали их содержание королю. Король манипулировал, в рамках этикета, завистью и амбициями придворных, чтобы сдерживать их и управлять ими, располагая одновременно органами, позволявшими ему знать общую обстановку. Он не берет на себя роль того, кто ведет за собой и командует, он не тот, кто открывает новую перспективу, принимая непредвиденные решения (как Ленин в апреле 1917 г. или при заключении Брест-Литовского мира). Но он советуется, слушает, учитывает мнения других, заставляя все вращаться вокруг себя: ему достаточно заговорить с кем-нибудь, чтобы этот человек привлек к себе всеобщее внимание: «Это был способ отличия, о котором уже говорилось, приносивший всегда рост уважения» (Сен-Симон). Положение абсолютного монарха основано, следовательно, на рациональном регулировании, на предвидении вплоть до малейших деталей. В то же время затраты престижного характера (статуи, памятники, праздники) служат делу возвеличивания образа короля, компенсируя то обстоятельство, что без подвигов этот образ может потускнеть и утратить значимость на всем обширном пространстве королевства.

Не углубляясь дальше в этом направлении, следует, однако, констатировать, что «поле господства» (Элиас) в центральной группе вокруг харизматического вождя, располагающего весьма ограниченной сферой господства, сильно отличается от поля группы традиционного монарха, который испытывает на себе

давление широкой сферы. Различие в способе структурирования и управления центральной группой является своего рода отражением различий между обществом, которое, как Россия в 1917 г., после взрыва осуществляет перестройку обширной периферии под руководством крошечного центра, и таким стабилизированным обществом, как Франция конца XVII — начала XVIII вв.

Рутинизация харизмы

Пример Ленина хорошо иллюстрирует главный вопрос харизматического господства: может ли оно пережить вождя? Ведь оно либо умирает вместе с ним, либо превращается в традицию или бюрократизируется. Между тем, подобно тому, как церковь пережила Иисуса Христа, коммунизм пережил Ленина. Как пророк становится обычным священником? Данную проблему Вебер называет «рутинизацией харизмы». Она может возникнуть в результате появления специфических форм харизмы в отличие от чистой харизмы, которая имеет личностный характер. Харизма может передаваться по наследству (от Наполеона I к Наполеону III). Функциональная харизма возникает в результате занятия каким-либо лицом руководящего поста в том или ином институте: Папа Римский, наследник святого Петра, наместник Христа на земле, наделяется одновременно высочайшим авторитетом. Например, папа Иоанн-Павел II, который после неудачного покушения на него предсказал разрешение кризисной ситуации (крах советской системы в Европе) и умело поддерживал свой образ (поездки в разные страны, массовые церемонии), показывает, как посредством обратного эффекта можно придать новую жизненную силу институту церкви: харизма папы служит тому, что, управляя традицией и укрепляя ее, она тем самым демонстрирует харизму самого института. Одним из путей достижения Сталиным неограниченной власти стало превращение партийцев в госслужащих и их бюрократический контроль (см. гл. IX, с. 273). Он смог лучше, чем его соперники, использовать свои отношения с Лениным, чтобы представить себя самым верным, а затем и единственным ленинцем. Такова особенность советской системы: институционализация режима привела к полному торжеству одного института, партии, но не стабилизировала положения руководящих кадров системы, которые, как и все население, не были застрахованы от чисток. С едкой иронией Троцкий, этот неудачливый харизматический соперник Сталина, хотя он и имел больше оснований считаться верным соратником Ленина, писал в конце своей биографии диктатора, что Сталин, оказавшись во главе тоталитарной системы, созданной им самим, мог сказать, подобно Людовику XIV, но не «Государство — это Я», а «Общество — это Я». Разница, однако, в том, что руководящая группа при дворе абсолютистского короля могла не опасаться кровавых чисток.

Харизма и политическая система

Было бы чрезвычайно наивно верить во всеисилие харизматического вождя и считать, что он может существовать при любых условиях, появиться где угодно и когда угодно. Иррациональный по своему способу господства харизматичес-

кий вождь является таковым лишь в том смысле, что он не подчиняется какому-то общему безличному правилу. Тем не менее, что касается условий его возникновения и особенностей его функционирования, то к нему применим рациональный анализ. Не перечисляя все возможные варианты, отметим лишь некоторые связи между харизмой и политическим контекстом.

Харизматический вождь бывает нужен тогда, когда необходимо помочь становлению государства на базе новой нации и/или в системе, которой угрожают центробежные силы (или формированию нации в смысле государства). Именно такова, как уже отмечалось, была роль Ленина, который использовал свой исключительный образ, чтобы укрепить слабый, находящийся под угрозой развала режим, а также вождей новых наций, таких, как Насер в Египте, Нкрума в Гане, Неру в Индии, Сукарно в Индонезии. Напротив, трудно превратиться в харизматического вождя, если намереваешься разрушить структуру какой-нибудь системы: Горбачев в СССР приобрел образ антигероя, разрушителя иллюзий, потому что, признав преступления системы, признал ее общий крах.

Харизматический вождь выполняет функцию, необходимую для политической системы в определенные моменты политических циклов (кризис) и при определенной расстановке сил: слабость центра по отношению к периферии или политический полицентризм. В доколониальном Марокко «харизматический король, которого носили на руках в кресле» (так он передвигался по территории своей страны), поддерживал устойчивость системы до тех пор, пока угроза распада не дошла до такой степени, что колонизация страны французами стала для нее спасением¹. Барака (везение), это «божественное откровение» короля, было проявлением его политической гибкости.

Теория харизмы, как, кстати, и вся теория господства у Вебера, делает акцент на вере, которой движимы те, над кем господствуют (и те, кто господствует). Но можно построить теорию харизматического господства без предположения, что все те, кто повинуются, верят в наличие предполагаемых качеств у вождя: интериоризация чрезвычайного характера лидера не обязательна. Отдельные люди или группы людей могут повиноваться лидеру, претендующему на харизматичность, потому что так поступают все или потому что другой возможности не существует. Повиновение харизматическому вождю может быть прямым результатом действия механизмов социального принуждения, заставляющих признать его превосходство, обусловленное его способностями, везением, гением как личности, что не предполагает психологической интериоризации веры в эти качества: известно, что французские и советские коммунисты искренне оплакивали смерть Сталина, но верно и то, что многие перестали его любить, как только это перестало быть социальной обязанностью. Необходимо остерегаться как признания в качестве объективной реальности выдающихся свойств харизматического вождя, так и предположения, что вера в эти свойства тех, кто ему повинуются или не протестует, является субъективной реальностью.

¹ Geertz G. *Savoir local, savoir global. Les lieux du savoir*. PUF.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСПОДСТВО

Рациональное господство зиждется на вере в легальность установленных порядков и права давать указания как прерогативы тех, кто призван осуществлять господство этими средствами. Типичной фигурой здесь предстает чиновник (функционер), т. е. агент, который подчиняется определенному правилу, потому что оно законно, и который старается обеспечить его соблюдение. Это правило может относиться к очень широкому или узкому институту и к группам, обладающим самыми различными статусами (Обществу Красного Креста или Всеобщей конфедерации труда). Конституция или устав той или иной политической партии представляют собой правила, даже если они не имеют того же юридического значения и не используют тех же функций, что и правила общественной администрации. Поскольку бюро является ключевым институтом законного господства, то это господство можно называть бюрократическим, не придавая этому термину уничижительного смысла. Бюрократическую администрацию, по Веберу, характеризует именно то, что господство осуществляется здесь в соответствии с достигнутым уровнем знаний, и в этом плане оно является специфически рациональным; это ведет, например, к использованию современных средств связи, и, хотя бюрократия существовала и в прежних обществах, она лучше всего реализуется в промышленном обществе. Но бюрократия влечет за собой также увеличение продолжительности образования, потому что предполагает знание определенных правил, и только те, кто имеет более высокую подготовку, обладают иммунитетом против обюрокративания (согласно Веберу, это относится к капиталистическому предпринимателю). Однако бюрократия компетентных служащих несколько не свойственна какой-либо особой области¹: в обществах, где царствует принцип законности, даже сфера повседневной жизни является одной из административных сфер.

Законное господство основано на существовании права (ориентированного на рациональную целенаправленность или на ценностную рациональность) как совокупности абстрактных правил, обязательных для всех, в том числе и для высшего руководства, которое подчиняется обезличенной власти закона: избранный в результате всеобщего прямого голосования президент Французской республики подчиняется конституции (даже если он может использовать свою эвентуальную харизму как политический козырь). В этом смысле подчинение уже не является отношением между людьми: подчиняются не определенному лицу, а следуют определенному правилу, и подчинение вытекает из принадлежности к той или иной группе людей (французский гражданин подчиняется законам своего государства потому, что он гражданин). Подчинение не может, следовательно, распространяться на то, что не предусмотрено законом. Общая процедура осуществления законного господства предполагает существование «конституированного авторитета», определенных административных органов, т. е. общественной функции, которая является постоянной и которая подчиняется опреде-

¹ Эта бюрократия имеет статус, отличный от статуса бюрократов (писарей) патримониальных систем, где бюрократ не является формально свободным.

ленным правилам. Система контроля и надзора создает административную иерархию. Каждое «бюро» (Вебер в данном случае употребляет именно это французское слово) действует в соответствии с определенными техническими правилами и следит за исполнением этих правил (например, условия строительства ядерной электростанции) или норм (рейтинг служащих). Чиновники, которые выполняют эти правила и нормы, должны обладать соответствующей компетенцией, независимо от того, принадлежат ли они к политической, религиозной или экономической администрации. Члены административного руководства полностью отделены от собственности на средства производства и управления, которые предоставляются им согласно существующим правилам и об использовании которых они должны отчитываться (министр не является собственником своего министерства, генерал — своего воинского соединения, служащий — «своего» компьютера и «своего» рабочего места); поэтому доходы от должностей и заработная плата чиновника — это разные вещи (завхоз лица получает зарплату), не совпадают также его квартира и его рабочее место. Даже там, где указания даются устно, наличие письменных правил, решений и т. д. является основополагающим фактором, превращающим «бюро» в центр современного общества, где доминируют администрация и ее специфический способ господства. Согласно Веберу, незаполненность нижней клетки в правой части таблицы, которую мы составили, является показателем самого высокого места в истории законного и рационального господства.

Виды господства по Веберу

	Традиционное	Харизматическое	Рациональное
Движущая сила	Уважение священного характера, традиции	Признание «милости»	Подчинение закону
Наименование вождя	Сеньор	Вождь	Вышестоящий начальник
Наименование слуги	Слуги (члены сообщества или подданные)	Сторонники	Граждане
Источники дохода	Подати	Добыча, дар	Налоги
Типичный политический строй	Монархия	Плебисцитарная демократия	Парламентская демократия
Используемая способность	Уважение	Эмоции	Разум
Тип революции	Традиционалистская революция	Радикальная революция в обществе	

Веберовское прочтение Токвиля

В своем казуистическом анализе господства и подчинения, используя квазипсихологические термины, о чем свидетельствует столь частое употребление слова

«страсть», при рассмотрении социальных связей, Токвиль предлагает иллюстрацию двух форм господства, которые, не будучи прямо политическими, тем не менее обусловлены двумя социальными системами: аристократической (страсть к свободе) и демократической (страсть к равенству).

Во всем он видит политику, находя всюду — в институтах, обычаях и, безусловно, в отношениях слуги к хозяину¹ — существенные различия между двумя типами общества: аристократическим и демократическим. Все это хорошо известная старая тема, изложенная в жанре комедии (у Мариво), романа (у Дидро) или философии (у Гегеля).

Два класса действительно существуют как в условиях демократии, так и у аристократических народов. Но у этих народов слуги образуют «общество» со своей иерархией, своей классификацией, своими рангами, которые передаются по наследству; в каждом из этих обществ есть свое общественное мнение, своя полиция. Слуги, «у которых на роду написано подчиняться», не вкладывают в понятия «слава» и «честь» тот же смысл, что и их хозяева. Но эти понятия у них есть. Это своего рода рабские слава и честь: у слуг есть своя аристократия, благородные души среди лакеев, последний из лакеев стоит на самой низшей ступени этой иерархии, которая подчиняется иерархии, существующей у господ. Социальное положение бедняка с раннего детства приучает его к тому, что им кто-то будет командовать. Это полное, беспрекословное, незамедлительное подчинение, которое, как и авторитет, оказывает сильнейшее «воздействие», в том числе и на образ мышления. В аристократических обществах поколения хозяев и слуг иногда связаны друг с другом вплоть до того, что они «ассимилируются», идентифицируются: хозяин «интересуется» судьбой слуги, как судьбой подчиненной части самого себя, в то время как слуги «подчас настолько отождествляют себя с личностью господина, что в конце концов превращаются в его принадлежность — не только в глазах господина, но и в своих собственных». И это отождествление приводит к тому, что Маркс называет «отчуждением», потому что «слуга в конце концов отчуждает сам себя, покидает свое «я», или, вернее говоря, целиком превращается во второе «я» своего господина: этим самым он превращает себя в воображаемую личность». Но токвильская клиника отождествления, таким образом, выявляет отчуждение уже не в Марксовом понимании, а в Лакановом, потому что здесь субъект растворяется в своем другом «я», в своем умозрительном двойнике. Токвильский слуга, однако, не схож с сестрами Папен, прототипами «Служанок» Жана Жене, чью агрессивность Лакан определяет как прорыв через ограду, которая оберегает каждого от собственного отчуждения. У Токвиля слуга «трогательно и смешно» остается самим собой, так как хозяйским страстям тесно в его душе.

Но такого слуги, патетически отождествляющего себя со своим хозяином, Токвиль в Америке не встречает (он говорит исключительно о федеральных штатах, отменивших рабство). Отношения между господами и слугами действительно изменились радикальным образом из-за равенства условий, царящих в Америке.

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. Кн. II. Ч. 3. Гл. V.

ке: это равенство, безусловно, не упраздняет классы, но эти классы состоят уже из людей, которые сами, и в еще большей степени их семьи, могут изменить свою классовую принадлежность. Получается американский вечный двигатель, когда «люди уже не пользуются пожизненным правом приказывать... и не испытывают вечной необходимости находиться в подчинении».

Пороки и добродетели более не являются сословными пороками и добродетелями, они одни и те же во всем обществе. При всеобщем равенстве исчезают и аристократия лакеев, и слуги «с лакейской душой». Никакой гегельянской перестановки, согласно которой в демократическом обществе слуга становится господином своего господина, добиваясь господства над миром через труд, и никакой искупительной функции все отрицающего класса, который выступает в эсхатологической роли, как класс пролетариев у Маркса. Но с концом аристократического общества слуги «уравниваются в правах со своими хозяевами», потому что право приказывать одного и обязанность повиноваться другого проистекают из ограниченного временными рамками договора, так что по положению «они от природы стоят один не ниже другого». Исчезает натурализация социальных связей в результате перехода из поколения в поколение одних и тех же позиций и установок: отношения неравенства уже не представляются естественными, а возникают как «случайные». Вместо воображаемого отождествления слуги и хозяина, с которым он нередко сливается в своем существовании, общественное мнение создает между ними воображаемое равенство (так как богатство и нищета, подчинение и главенство никуда не исчезает), в то время как каждый существует для себя. Если, следовательно, демократия радикальным образом изменяет положение слуги, то мобильность, которую она создает, является отнюдь не анархической нестабильностью, а нестабильностью связи, где положение слуги «не деградирует», так как эта связь не создает никакого «постоянного неравенства», выполняя ту же функцию, что и чувства, которые могли испытывать слуги в аристократическом обществе, считая себя подчиненными некой тайной закономерности Провидения.

Таким образом, Токвиль дает две модели отношения хозяин — слуга, назвать которые он предлагает одно — «зависимостью», другое — «готовностью подчиняться». Дальше (гл. IV) мы увидим, в какой мере это противопоставление является симптоматичным для двух важных способов социальной организации, которые он противопоставляет один другому и оба — Революции, этому печальному и бурному периоду, «ибо не столь важно, какому именно порядку подчиняются люди, куда важнее само наличие этого порядка».

Не делая излишне левачким его анализ, отметим, что подчинение является способом господства, который соответствует традиционному господству, в то время как повиновение соответствует типу законной и, скажем, бюрократической легитимности, даже если «бюро» следует понимать здесь в чисто концептуальном плане как социальную связь, определяющую безличное подчинение. В первом случае слуга и хозяин подчиняются системе места и роли, системе сакрализованной, потому что это та же самая система, которая существовала всегда, и никакая идея не может возникнуть из другого типа связи: традиция становится невидимой, потому что она лишает тех, кто ей следует, всякой способнос-

ти осмыслить иную социальность. Напротив, слуга в демократическом обществе формально свободен, он добровольно обязался подчиняться условиям договора, и хозяин не находит иного источника для своей власти, кроме этого юридического акта: слуге совсем нетрудно представить себе иное положение, отличное от его собственного, потому что он живет в условиях этого различия, являясь как гражданин и как человек, равным своему хозяину.

Господство — абстрактное понятие?

Но если следовать Токвилю и его противопоставлению подчинения (аристократическое общество) повиновению (демократическое общество), разве само понятие «повиновение», как считает Вебер, не вызывает сомнения? Правомерно ли объединять в одном термине такие разнородные явления, как личная зависимость семьи слуг, находящихся на службе у какого-либо аристократического рода, и договорную связь слуги в обществе, где отношения построены на обезличенных контрактных началах?

Господство у Вебера одновременно является глубоко укоренившимся и институционализированным. Понятия авторитета и легитимности содержат тот смысл, что те, над кем господствуют, принимают это господство и что оно не есть простое соотношение сил; в то же время Вебер описывает его как механизм, почти не связанный с поведением отдельных лиц. Но конкретные условия господства в Европе XIX в. исключительно разнообразны. Зачислить, например, ремесленников и рабочих в одну и ту же категорию объектов господства потому, что как те, так и другие в социальном плане подчинены более богатым и более могущественным, означало бы недооценивать отличие между этими двумя группами: первые являются хозяевами своих орудий производства, тогда как вторые находятся в процессе труда во власти хозяина. Господство, довлеющее над слугой, каждое действие которого подчиняется приказу хозяина или хозяйки, неэквивалентно господству крестьянина над своей женой, подчиняющейся мужу в том смысле, что она покорна его желаниям и воле. Можно было бы продолжить дискуссию о правомерности включения в харизму весьма различных явлений (например, барака марокканских берберов, см. гл. XI, с. 336, или шакти крестьян острова Бали, см. гл. XI, с. 342).

Проблему универсального использования некоторых категорий для анализа политики мы находим у Маркса. Он стремится учесть разнородность социальных систем, противопоставляя, в частности, сословные общества (Токвиль называет их аристократическими) и классовые общества (демократические, по Токвилю) и одновременно использовать понятия универсального значения (гл. X, с. 303).

ОТЧУЖДЕНИЕ, ГОСПОДСТВО И ДИКТАТУРА У МАРКСА

В 1852 г. Маркс заявляет, что одно из новых положений, которые он выдвинул, заключается в том, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом «неизбежно ведет к установлению диктатуры пролетариата». Однако фор-

мулировка «диктатура пролетариата» еще отсутствует в «Манифесте Коммунистической партии» (1848), но мы находим там близкое по смыслу понятие «господство пролетариата». Чем объяснить этот отказ от термина «господство», который обозначает отношения власти в более описательной форме, в пользу «диктатуры», термина, содержащего идею грубого принуждения? Это изменение было вызвано значительным политическим событием, имеющим отношение к марксистской проблематике: установлением генералом Кавеньяком «диктатуры буржуазии», направленной против пролетариата. Во время революции 1848 г. рабочие сначала сражались вместе с буржуазией, но в июле буржуазия выступила против пролетариата. Будучи вынужденным ответом пролетариата буржуазии, понятие «диктатура пролетариата», согласно Марксу, является нововведением, обязанным своим появлением самой истории и позже подтвержденным Парижской коммуной 1871 г. Это понятие, хотя и является принципиально важным, так никогда и не получит всестороннего развития у Маркса, в чьих трудах оно упоминается лишь несколько раз и очень кратко.

Смысл понятия «господство» (Herrschaft) пролетариата следует понимать исходя из содержания двух других понятий: «отчуждение» и «эксплуатация». Понятие «отчуждение», связанное с антропологическими и философскими воззрениями, занимает центральное место в ранних работах Маркса; понятие «эксплуатация» присутствует главным образом в его критике теорий политической экономики, которая достигает своей кульминации в книге первой «Капитала» в 1867 г.

Отчуждение и эмансипация

Отчуждение (по-немецки *Entfremdung* от слова *fremd* — «чужой») представляет собой процесс лишения, отделения, утраты (*alienus* означает по-латыни «чужой»). Маркс заимствует это понятие у Гегеля и у Фейербаха и отводит ему центральную роль в своей общей теории развития человеческого общества и в своем анализе пролетариата: пролетариат представляет собой группу людей, отчуждение которых наиболее ощутимо и наиболее масштабно. Можно проанализировать три его формы: отчуждение через деньги, через религию и через политику.

Отчуждение через деньги, через религию

Деньги превращаются из средства, т. е. промежуточного фактора, в цель: человек, над которым господствуют деньги, более уже не рассматривает их в качестве посредника для удовлетворения своих потребностей, деньги его интересуют как таковые. В обществах, в которых господствует товарная экономика, все социальные отношения монетаризируются: за деньги можно купить ум и красоту, в итоге человека делают красивым и умным деньги, которыми он обладает. Священники, художники, преподаватели — все они являются наемными работниками и подвластны деньгам. Таким образом, люди лишаются своей человеческой сущности путем обратного опосредования. Эта тема постоянно присутствует у Маркса, если не сказать, что она является его темой: критика утраты ро-